НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 39
DOI 10.46698/VNC.2024.42.22.001

Этническая личность осетин в контексте исторических трансформаций субкультуры старшинства

Алина Хазметовна Хадикова
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, khadikovaa@mail.ru

Аннотация. *Статья целиком опирается на эмпирический материал и содержит анализ качеств этнической личности осетин в контексте традиционной субкультуры старшинства, ее исторических трансформаций и современных интерпретаций. Изыскание выстроено в историко-ретроспективном плане и отслеживает динамику основных институций субкультуры старшинства, их главной сути, современного содержания, тенденций и основных изменений. Анализу подвергаются также и некоторые, сформировавшиеся на этой почве, противоречия. Автор констатирует адаптивность субкультуры старшинства с учетом соответствующих времени потерь и анализирует эти потери. Также автор приходит к выводу, что, несмотря на вполне значительные трансформации, эстетика межвозрастной субкультуры присутствует в автостереотипах, «концепции лица» современных осетин и свойственных этому народу этноидентификационных процессах.*
Ключевые слова: *осетинский этнос, этническая личность, субкультура старшинства, исторические трансформации, современные интерпретации, автостереотипы, идентификационные процессы*
Для цитирования: *Хадикова А.Х. Этническая личность осетин в контексте исторических трансформаций субкультуры старшинства // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2024. Т. 24. № 4. С.101–108. DOI 10.46698/VNC.2024.42.22.001*

Ethnic personality of Ossetians in the context of historical transformations of the subculture of seniority

Alina Kh. Khadikova
V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, khadikovaa@mail.ru

Abstract. *The article is entirely based on empirical material and contains an analysis of the qualities of the ethnic personality of Ossetians in the context of the traditional subculture of seniority, its historical transformations and modern interpretations. The research is built in historical and retrospective terms and tracks the dynamics of the main institutions of the subculture of seniority, their main essence, modern content, trends and major changes. Some contradictions formed on this basis are also being analyzed. The author states the adaptability of the subculture of seniority, of course, taking into account the losses corresponding to the time, and analyzes these losses. The author also comes to the conclusion that, despite quite significant transformations, the aesthetics of the inter-age subculture is present in the autostereotypes, the "concept of the face" of modern Ossetians and the ethnoidentification processes peculiar to this people.*
Keywords: *Ossetian ethnic group, ethnophor, seniority subculture, historical transformations, modern interpretations, autostereotypes, identification processes*
For citation: *Khadikova A. Kh. Ethnic personality of Ossetians in the context of historical transformations of the subculture of seniority // Bulletin of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 24. No 4, P. 95–100. DOI 10.46698/VNC.2024.42.22.001*

«Только до той поры народ наш будет называться нартами, пока младшие будут уважать старшего и почет выказывать ему».

Нартовский эпос осетин.

Статья является продолжением и частью более объемного научного изыскания, обращенного к разным аспектам этнической личности осетин. Проблематика рассматривается методами исторической этнологии, с позиций потребностей этой науки и в соответствии с концепцией исторической природы свойств и характеристик этнофора – индивидуального носителя культуры и психологического склада каждого этноса.

Цель данного исследования – во-первых, выявление качеств этнофора в контексте свойственной осетинам чрезвычайно яркой субкультуры старшинства и, во-вторых, анализ современных интерпретаций этой значительной части нематериального этнокультурного наследия этноса. Особенное внимание к этике межвозрастного общения объясняется тем, что практически каждый из наших информантов – этнических осетин в перечислении свойственных его народу моральных качеств уважение к старшим указал первой строкой. Это обстоятельство позволяет полагать, что представления осетин о лучшей версии «себя» весьма актуальны в аспекте субкультуры старшинства.

Об источниках: изыскание опирается на эмпирический материал – результаты двух опросов, проведенных в 2023 и 2024 гг. Полученные данные были систематизированы по возрастному принципу, количественный состав каждой группы составил от 50 и более человек. Наиболее многочисленными оказались группы в возрасте от 18 до 24 лет, поскольку изначально исследовательский интерес автора был обращен к студенческой молодежи Северной Осетии. Впоследствии возрастной диапазон информантов был значительно расширен, методом случайного отбора в опрос были вовлечены этнофоры разного возраста, что позволило сделать данное изыскание более детальным и предметным. Сформированы группы следующим образом: 18–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 и более лет. Уточним, что в работе со студентами, помимо письменного опроса, был применен и метод интервью. Для обеспечения ресурсов историко-ретроспективного подхода в данном исследовании использованы письменные этнографические и отчасти фольклорные источники.

После необходимого пояснения, что в качестве достоверных этнических характеристик могут рассматриваться лишь те, которые свойственны всему народу, а значит каждому этнофору, перейдем к главному предмету данного изыскания – к понятиям, стереотипам и семантике этико-коммуникативных феноменов *хистæриуæг* /«старшинства» и *кæстæриуæг* / «младшинства» (с соответствующими им поведенческими нормами), как значительных институций неписаного закона нравственности и чести осетин *Æгъдау.* Мы рассматриваем *Æгъдау* не только как социальный артефакт исторической памяти, но и как вполне функциональный феномен процессов этнического самоопознавания современных осетин [1].

Что же касается «корневого» постулата субкультуры старшинства, он зафиксирован в осетинском варианте Нартовского эпоса и вынесен в эпиграф [2, с. 230].

В ходе нашего опроса была обнаружена некая противоречивость: с одной стороны, выявлена прочная субъективная связь понятий нравственного достоинства человека с ценностям и межвозрастных коммуникаций, а с другой – установлено (преимущественно в студенческих ответах) некое смещение понятия *хистæриуæг* / старшинства. Для более глубокого его анализа, а также ответа на вопрос, насколько соразмерно с аутентичным представление современных осетин о неписаных уставах «старшинства» и «младшинства», рассмотрим их реализацию в традиционный период. Но, несколько опережая выводы, отметим, что информанты молодого и среднего возраста не вполне ориентируются в его многочисленных и самобытных нюансах.

Между тем, их было великое множество, межвозрастные стереотипы осетин представлены в источниках в широчайшем вербально-тематическом, проксемическом, кинесическом и прочем многообразии. К примеру, младшие не могли дерзнуть первыми обратиться с приветствием к старшим, а в особенности – старикам. В соответствии с субкультурой старшинства, запрещено интересоваться здоровьем старших, их планами и намерениями, настроением, состоянием текущих дел, справляться об их домочадцах, особенно женщинах. Существует много прочих возрастных вербальных нюансов, в силу их бескрайнего разнообразия приведем лишь один пример – предписание для пожилых женщин не произносить названий животных с бранным подтекстом (осел, свинья и пр.) и заменять их более пристойными обозначениями: «тот, который несет», «та, которая копает» [3, с. 10] и т. д.

Насыщенный возрастной символизм присутствовал и в организации открытого / закрытого пространства: в любом помещении, на площади проведения народных собраний, в правилах передвижения, в рассаживании за столом и многом, многом другом были разработаны нормы и, соответственно, знаки возрастной локализации. Но иногда и им была свойственна вариативность: если при пешей ходьбе старший по возрасту в соответствии с патриархальными убеждениями традиционного общества занимал позицию «впереди», то

всадники располагались в противоположном порядке, при котором первым следовал младший, и тогда «почетным» становилось место позади него. Что восходит к воинской архаике исторического прошлого осетин и отвечает логике боевых передвижений алан [4, с. 41]. В определенных ситуациях знаковое содержание закреплялось и за пищей: «молодым… считается постыдным есть голову барана или быка» [5, с. 25].

Присутствие старшего серьезно ограничивало младшего в проявлении темперамента. Многие этикетные диспозиции требовали уяснения степени дозволенности свободных движений, поскольку были исторической аллюзией, скажем так, «парадного» стояния младших, и кинесическими стереотипами регламентировались не только допустимые позы, но и жестикуляция и мимика. Необходимо было держать осанку, оставаться подтянутым, глухо застегнутым и пр. Подобные нормы имели ресурсы символического «прочтения» основного контекста традиционного общения. Добавим ко всему сказанному право преобладающего мнения: «в присутствии старших младшие должны слушать молча, ввертывать свое слово в разговор старших – признак дурного воспитания» [5, с.18].

Уточним, что все перечисленные требования действовали не только в отношении возрастных категорий стариков «заронд» / старый и «ацæргæ» / пожилой, система возрастного соподчинения включалась и в общении с просто более старшими людьми. Межвозрастная коммуникация была устроена так, чтобы каждый мог легко ориентироваться в динамике ситуаций и незамедлительно войти в исполнение кодекса «младшинства»: снизить тембр голоса, а то и попросту молчать, ждать стоя, пока не пройдет, либо распорядится о чем-то старший, выбрать «правильную» для своего возраста пространственную локализацию. Необходимо особенно подчеркнуть, что традиционному общению присуща ориентация на эстетичность общей его картины: «Уселись осетины чинно / По старшинству у очага его / И стали излагать картинно / Тут цель прихода своего» [6, с. 408]. Эстетика была чрезвычайно важна на уровне общественных взаимоотношений, например, на Ныхасе, или в исполнении ритуалов, или при приеме почетного гостя, каковым считался визитер издалека. По воспоминаниям В.Ф. Миллера, «едва мы вошли и стали выгружать наши переметные сумы, как уже комната наполнилась народом. Один ветхий старик сел рядом с нами на скамью, а все, кто помоложе, выстроились вдоль стен, образуя как бы античный хор» [7, с. 68].

Каждому витку «достойного» человеческого взросления / старения соответствовала определенная линия поведения со своими неписаными кодексами и уставами, и особенное внимание было обращено к добрачной молодежи. Для более ясного понимания этого факта необходимо оговорить одно из важнейших традиционных убеждений осетин. Дело в том, что в жизненных притязаниях этого народа качества молодежи «фæсивæд» (в дословном переводе «смена») имели особенную ценность, юношество с малых лет приучали соизмерять свои поступки с общественным мнением. Одобрение своих младших, признание их достойной «сменой» осетины считали огромной честью и одним из самых больших своих достижений. Снискать хорошую репутацию молодые люди могли лишь на определенных условиях, важнейшее из которых было замечено одним из основоположников научного осетиноведения М.М. Ковалевским: «из него выйдет джигит – высшая похвала в устах горца, означающая стоика-храбреца, способного на все» [8, т. 1, с. 282]. А Коста представил нам облик такого юноши: «Его осанка, смелый взгляд // Улыбка – ясно говорят // Что он из гор» [6, с. 370]. Многочисленные письменные этнографические источники подтверждают те приоритеты народной жизни, которые доносил до читателя в своем творчестве поэт.

Столь искомая юношами слава храбреца и молодца могла быть достигнута их успехами в состязаниях, которые регулярно организовывали для мужской молодежи старшие, всячески побуждая в них стремление к победе, столь необходимое для мужчины с точки зрения традиционного осетинского общества: «Пусть дерзнет меня // Превзойти во всем: // Бить без промаха // На коне лететь // В горском танце плыть // Или песни петь» [6, с. 51]. Но не менее важным условием доброго имени парня были и другие обязательные качества: корректность, подчеркнутая вежливость, выправка и дисциплинированность. Молодой человек должен был во всем подражать тем, кто уже сумел доказать свое соответствие устоявшимся понятиям чести. Огромную силу личного примера заметил у осетин Л.Л. Штедер в 1781 году [9, с. 39]. Добавим, что высокий социализирующий потенциал имел обычай гостеприимства, мальчики и юноши даже из высших сословий участвовали в нем в статусе младшей прислуги [5, с. 81–82], так в них воспитывали столь искомые в традиционном осетинском обществе качества «настоящего» мужчины. Помимо отваги – это терпение, выносливость и непременная почтительность в отношении старшего.

Стоит обратить внимание на включенность терминологии старшинства в социально-должностной контекст, социальное старшинство было критерием порядка и четкой системы соподчинения. К примеру, большими семейными коллективами, весьма распространенными в горной Северной Осетии, руководил их лидер – *хистæр* / старший, который не всегда был, а чаще всего не был самым возрастным членом семьи. На народном собрании Ныхас при внешней картине отчетливой геронтократии (старики располагались на самых почетных местах, вели собрание, предоставляли право высказывания, объявляли итоговый вердикт), окончательное решение по особенно важным делам принималось исключительно с учетом авторитетного мнения

мужчин боеспособного среднего поколения. В качестве еще одного примера укажем на строгий порядок и организованность проведения в том числе развлекательных мероприятий, таких как танцы «хъаст». Вел их назначаемый «старший» распорядитель, интересно также соблюдение возрастного принципа и в иных нюансах: «юноши выстраиваются на танцах по старшинству, но выступают по просьбе старшего» [10].

Идеологическая основа «осетинской» жизни *Æгъдау* совмещает в себе концепты этики и чести, мотивированные самыми разными уставами-программами, в том числе и *хистæриуæг,* и *кæстæриуæг*. Насыщенные выразительным символизмом, они воплощены в эстетическом сопровождении многих компонентов этнокультурного наследия осетин, а также и мужской субкультуры [11]. Обратимся к их основному содержанию:

1. *Кæстæриуæг* / «младшинство» – это установки и стереотипы, мотивированные упомянутым ранее нравственным убеждением, что лучшим методом социализации является служение старшим. К 1852 г. относится наблюдение Н. Берзенова: «Уважение к старикам и вообще к людям пожилых лет простерто у осетин так далеко, что каждый из них считает непременной обязанностью вставать при входе старшего и приветствовать его, хотя бы он был из низшего класса... Они никогда не нарушают этой учтивости» [13]. Подчеркивая наиболее отчетливые факторы возрастного взаимодействия, уточним, что «кæстæриуæг» есть не что иное, как «свод правил, обязующих младших беспрекословно подчиняться старшим» [14, т 1, с. 589]. При этом особую специфику и нравственный фон подобного служения передает замечание Ф. Леонтовича (1813 г.), согласно которому осетины стремятся привить детям умение «держаться почтительно, но с достоинством» [12, с. 26].

2. *Хистæриуæг* – полному пониманию основной сути этого неписаного устава способствует сама этимология слова «старший»: осетинский «хистæр» восходит к древнеиндийскому «hvaistra» – «главный участник какого-либо действия», «главный деятель» [14,т. 4, с. 89]. И действительно, руководство, некогда осуществляемое старшими, было столь же непререкаемым, сколько и многогранным, будь то Ныхас, судейство, отправление культа и многое, многое прочее, и все это не единожды находило свое отражение в источниках. К примеру, Вахушти утверждал, что осетины через «старцев совещаются и мирятся, и все свои нужды удовлетворяют через них. Оказывают большой почет своим старцам и смотрят на них как на своих патронов» [15, с. 142]. Много позже, в 1886 г. М.М. Ковалевский заметил, что у осетин главным условием исполнения судейских и посреднических, а также дипломатических функций был «преклонный возраст, в связи с уважением, каким вообще окружают его» [8, т. 2, с. 219]. В.Б. Пфаф утверждал, что «подчинение младшего старшему наглядно выражается во всех мелочах» [17, с.186].

Вместе с тем старшие должны были следовать тому типу управления, который исследователь и одновременно носитель этнической культуры осетин З.Н. Ванеев характеризовал как весьма деликатный: «руководство, которое осуществляют старейшие, было совершенно лишено принудительного характера, оно принималось свободно» [16, с. 78].

Важно понимать, что *хистæриуæг* сложился не только как безраздельное право и господство старшего, но и как сложнейший комплекс самоограничений для тех, кто обязан своей жизнью показывать ежедневный пример достоинства и чести. Широчайшие полномочия и высокий социальный престиж почтенным старшим необходимо было переподтверждать собственным образом жизни – аскетичностью и ревностной приверженностью тем ценностям, которые они обязаны были транслировать следующим за ними поколениям. Одобрение и поощрение такого старшего утверждало за молодым человеком статус «достойной смены». На сей счет есть наблюдение: «почетные бывалые старики ущелья вызывали отличившихся, благодарили их за смелость и мужество, им преподносили почетный бокал – туровой рог пива, три пирога и заднюю ножку барана. После этого их приглашали на танцплощадку и давали право станцевать» [10]. Заметим, что подобный способ общественного признания – преподнесение почетной чаши, упомянутой еще Геродотом в отношении скифов, сохранился у осетин по сию пору. Именно так старшие осетинские мужчины встречают в аэропорту вернувшихся с победой спортсменов.

Кодекс *хистæриуæг* содержал и некоторые имиджевые особенности:«походка старшего важнее младшего и взгляд его более повелительный» [17, с. 186]. Приведем также описания внешнего облика старшего, сделанные К.Л. Хетагуровым: «Седой, с осанкой горделивой / Старик Сабан, бывало, в ней / Приветливо, без маски льстивой / Встречал и потчевал гостей» [6, с. 404]. Еще раз подчеркнем, что нести звание почтенного старшего было нелегко, поскольку самоограничения, соответствующие принятым в обществе идеям «праведной» жизни, были весьма и весьма нелегкими. Обзор фольклорных и письменных этнографических источников убеждает со всей очевидностью, что почитание достойных старших, их влияние на планы и перспективы младших поколений воспринималось едва ли не как естественное проявление жизненного, если не вселенского порядка. Преимущественно в этом и состояла суть феномена *хистæриуæг.*

Перейдем к современным интерпретациям исторически сформировавшейся у осетин субкультуры старшинства.

Обобщение и анализ эмпирического материала выявили следующие результаты. Все информанты, то есть действительно сто процентов опрошенных, в перечислении основных нематериальных ценно-

стей своего народа указали уважительное отношение к старшим. Даже самая молодая группа исследуемых (18–19 лет) образ «правильного» осетина ассоциирует с некогда функциональной программой возрастного соподчинения. Однако, связывая характеристики «подлинного» этнофора-осетина со следованием этикету старшинства, информанты показали весьма смутное представление о конкретных его воплощениях. Помимо позиции «уступить место», «встать в его присутствии», «пропустить первым», ничего не было указано. Более отчетливое понимание морально-идеологической базы субкультуры старшинства было выявлено лишь в группах «50–59» и «60 и более». Но и их компетентность в этом вопросе оказалась неравномерной.

Обратимся к материалу более предметно.

1. В первом блоке вопросов выявлялась степень осведомленности информантов относительно базовых понятий субкультуры старшинства. В частности, устав *кæстæриуæг* самая молодая группа (18–19) в большинстве ответов чаще всего интерпретирует как «обязанности младшего», далее следуют ответы «уважение к старшим», «помогать старшим». Интересное дополнение нашлось в другой (20–24) молодежной группе, и это – «уважение к младшему», что полностью соответствует аутентичной межвозрастной системе осетин. Старшим не позволялось оскорблять младших, унижать их достоинство, но скорее этот пункт относится к уставу «старшинства». Среди информантов 40–49 лет обнаружилось важное добавление к интерпретации *кæстæриуæг* – «прислуживание старшим». Видимо, они указали на уже недоступный для наблюдения городской молодежи обычай прислуживания старшим за ритуальным застольем / «куывд» – *уырдыгыстаг (уырдыглæууын)*. Дословный перевод этого понятия – «стоять вертикально» – отражает систему уже упомянутых кинесических норм: держать при старших осанку, быть собранным, являть пунктуальность, рассудительность и полную «воинскую» готовность. Этот специфический «младший состав» имел четко разграниченные обязанности и функции. После успешно проведенных мероприятий всех обслуживающих благодарили официально, что способствовало укреплению их личного авторитета и рассматривалось как честь для семьи, из которой молодой человек происходил. Информанты 50–59 лет напрямую указывают на «обслуживание старших на мероприятиях», вызывая из памяти хорошо знакомое им обстоятельство «народной жизни», которое они не раз наблюдали, или даже участвовали в нем. Но о котором ничего (или мало что) не известно младшим информантам. А самые старшие из них (60 и выше) проявили духовно-нравственное осмысление *кæстæриуæг* и характеризовали его как «действия младших во благо», в этой же группе обнаружены ответы «младший исполнитель» – возможная реминисценция военно-иерархического уклада.

Что касается устава *хистæриуæг*, наиболее точное понимание его сути ожидаемо сохранилось у двух самых старших групп информантов. Такие ответы, как «наставничество», «мудрое руководство», «опека», «отцовское отношение к младшим», «старший исполнитель» в сочетании с пониманием безапелляционного авторитета «настоящего» старшего, как и степени его ответственности за будущее всех младших поколений, соответствует традиционным понятиям и идеологии субкультуры старшинства. У остальных понимание сути старшинства менее внятно и практически идентично «младшинству» в его визуальном выражении. Это в большинстве. Вместе с тем понимание сути старшинства все-таки обнаружено. В группе 40–49: «все, что выпадает на долю старшего», «достойные старшие», «умение брать ответственность на себя». И даже в самой молодой группе нашлось место определениям «покровительство младшим», «уважение к младшему», «пример, который подает старший», что отражает основу аутентичной межвозрастной системы осетин.

2. Следующий блок был нацелен на выявление идеального образа старшего и, соответственно, характера социальных и эмоциональных ожиданий от него. На вопрос: «какими качествами должен обладать достойный старший», предполагался свободный ответ. Самые молодые группы (18–19 и 20–24) в большинстве своем (соответственно 80 % и 75 %) назвали мудрость, в числе других важных качеств были указаны честь, справедливость, ответственность, вежливость, умение слышать и понимать младших. В группе 20–24 было высказано актуальное и осознанное пожелание современным старшим – знать обычаи и уметь адаптировать их к современности. В более старших группах также доминировало качество мудрости, к которому были добавлены благородство, умеренность в пище и алкоголе, хорошее образование, способность сохранить и передать традиции, для чего, как полагают информанты, старшему нужна чистая репутация и самоотверженность. Были также высказаны пожелания слышать от старших речь, свободную от сквернословия. Информанты старше 40 лет ожидают от старших как самоуважения, так и уважения к окружающим, умения корректно доносить свое мнение. В этой же группе высказана надежда на духовные знания старших и их сильную волю. Также в числе предпочтительных качеств были названы миролюбие, трудолюбие, скромность, храбрость, доброта и снисходительность. В группе самых старших информантов среди желаемых качеств упомянут консерватизм и верность традиционным ценностям.

3. Третий блок был направлен на анализ трансформаций столь значительного в прошлом устава старшинства. Необходимо было выбрать один или несколько ответов, и на вопрос «что вы готовы сделать для постороннего старшего человека» современные осетины отреагировали следующим образом. У самых молодых (от 18 до 24), как мы

уже не раз упоминали выше, наиболее популярным оказался ответ «уступить более удобное место», «выполнить поручение», «вежливо выслушать наставление», немного меньше оказалось согласных «вежливо выслушать замечание в свой адрес». Предложение «не оспаривать замечание постороннего старшего, даже если не согласны» отвергли 55 %, то есть большинство опрошенных студентов, а «выполнить поручение постороннего старшего, даже если вы ограничены во времени» готовы только 40 %. С намеренно предложенным провокативным тезисом «пусть все это делает для него его семья» в двух группах, то есть из более, чем ста человек, согласились четверо.

В следующих двух группах (25–29 и 30–39) предпочтения в одинаковых пропорциях разделились между указанными выше первыми тремя позициями, однако с последним тезисом «пусть все это делает для него его семья» не согласился ни один из информантов. Группа 40–49 лет показала предпочтения в равной степени «уступить более удобное место» и «вежливо выслушать наставление». Выполнить поручение даже в отсутствие времени готовы 60 % опрошенных, не перечить замечанию даже в случае несогласия с ним – 55 %. Игнорировать старшинство счел приемлемым один человек. В двух самых старших группах были выявлены показатели, позволяющие сделать вывод о высокой степени приятия не только приоритетов, но и особенной ответственности старших.

Далее было предложено выбрать один из трех вариантов: «отношение к старшему человеку должно быть всегда почтительное»; «зависит от личности самого старшего» и «по обстоятельствам». Свое предпочтение первому варианту отдали все группы от 25 лет, в то время как у младших (18–19 и 20–24) он оказался менее приемлемым с аргументами типа «преступники тоже стареют». Эти группы предпочли второй вариант, утверждающий, что отношение к старшему зависит от его личности. И самым непопулярным у всех информантов оказался ответ «по обстоятельствам».

Далее: тезис «возраст имеет привилегии» самые старшие принимают как постулат и согласны на 100 %. Самые младшие – на 80 %, а «20–24» – на 85 %. В остальных группах: «25–29» признают привилегии старших уже на 92 %, более старшие (от 30 до 50) – еще выше. С положением «старость вообще не повод для уважения» согласились по два человека в двух самых молодых группах.

Нетрудно понять, что перемена взглядов на безусловные приоритеты старшинства преимущественно коснулась той части этноса, которая менее всего привязана к силе общественного мнения – главного в прошлом мотивационного ядра «достойного» поведения и важнейшего фона традиционной социализации. Что, на наш взгляд, во многом предопределено повышенным влиянием на студенческую молодежь современных стримеровкоучей, позиционирующих себя психологами и призывающих в целях «личностного роста» как можно скорее «освободиться» от условностей, в число которых частенько попадают многие характеристики свойственной этносу ментальности и традиционные ценности в целом. И действительно, на вопрос «ориентируетесь ли вы в своих поступках на общественное мнение» более всего отрицательных ответов содержат материалы двух самых молодых групп. Были получены и такие ответы: «к сожалению, ориентируюсь, но я пытаюсь преодолеть это с помощью психолога».

При личных же интервью с информантами из этих групп выяснилось, что молодые информанты все-таки высоко оценивают качество уважительного отношения к старшим, но при этом они чаще всего воспринимают его внешнюю часть, эстетику антуража субкультуры старшинства. Как уже указывалось, приветствовать старшего стоя и прочее такое готов каждый в этом возрастном диапазоне, но уже менее половины согласны принять вмешательство постороннего старшего в свои ближайшие планы. Информанты из студенческой среды не готовы ориентироваться на *хистæриуæг* в своей повседневной жизни, поскольку реальная сущность этого устава и заключается в полном полагании на мнение старших. Или готовы в меньшей степени, нежели информанты из более взрослых групп.

Вместе с тем контент-анализ блогосферы Северной Осетии выявил примечательный факт: в ситуации, которую организованная молодежь расценивает как кризисную, решительного слова ожидают молодые люди все еще от старших, запрос на мудрость, справедливость, добрую волю которых в Осетии все еще активен. Но и разочарования в своих ожиданиях молодежь высказывает публично [18]. Опрос и интервью дают основания полагать, что нескрываемое зачастую недовольство основано на некоем конфликте традиционных установок *хистæриуæг* (с его «законными» притязаниями на ожидание от старших мгновенных и спасительных решений) со следующим фактом. *Хистæриуæг* основан на тех широких социальных полномочиях, которые предоставлял старшим Адат и которые не свойственны старшему поколению сейчас, когда общинный быт и власть обычного права остались в историческом прошлом осетинского этноса. Прежнее значение понятий возраста и приоритет старших, как главных акторов всех действий, возрождаются лишь на время мероприятий, фокусирующих специфику культуры и обрядово-ритуальную практику этноса. В связи со сказанным, мы можем утверждать, что современное осетинское общество в большей степени следует уставу *кæстæриуæг,* он понятен, сохранен в конкретных деталях осетинского этикета и по сию пору актуален.

Вернемся к другим результатам опроса и обратим внимание на следующее выявленное обстоятельство. В группах старше 40 лет мы можем констатировать разную степень внутреннего переподтверждения унаследованных, то есть «ис-

конных» и «благородных» образцов поведения и, соответственно, личностных идеалов. В двух же самых молодых группах выявлены тенденции протеста против давления общественного мнения, что создает условия для укрепления индивидуальной модели поведения, более подходящей к нормам вненационального общества. Вместе с тем на опасности и риски сужения этнического поля, чреватого кризисом этничности и, как вариант, негативными этноцентричными тенденциями, обращают внимание психологи [19], призывая внедрять программы, способные усилить позитивное отношение к ценностям собственной культуры. Для чего необходимы совместные усилия этнологов и психологов.

При этом уточним, что на уровне нравственных исканий у всех информантов обнаруживается некая тоска по этническим ценностям. Если задаться целью отыскать наиболее жизнеспособные аспекты прежней субкультуры старшинства, то ее едва ли не стопроцентная сохранность обнаружится на уровне регенерации этнических идеалов, представлений о достоинстве и концепции лица «человека этнического». Считаем необходимым уточнение, что у осетин в характеристиках лучшего варианта «себя» присутствует не только уважение к старшим, однако на данном этапе исследования именно этот аспект был нашей основной целью.

В свете сказанного мы можем констатировать адаптивность субкультуры старшинства, разумеется, с соответствующими времени потерями. Несмотря на тенденции, выявленные в студенческой среде (молодые осетины не склонны к абсолютному и немотивированному почитанию возраста), мы можем утверждать, что эстетика возрастного этикета, социально одобренная всеми поколениями, вполне отчетливо присутствует в автостереотипах, соответственно, в статической части этнического сознания и этноидентификационных процессах современных осетин. В динамической части этносознания произошли адекватные времени изменения. Но и претерпевший в каких-то аспектах значительные трансформации устав *кæстæриуæг* (повторим, что он более понятен современному этнофору), сохраняет свою причастность к культурным явлениям общеэтнического характера и является значительным компонентом нематериального актива этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хадикова А.Х. Об этнографическом исследовании нравственного понятия «честь» (на осетинских материалах) // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 17–26.

2. Осетинские нартские сказания. – М.: Владикавказ: Менеджер, 2010. 504

3. Дирр А. М. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. – Тифлис, 1915. С. 1–16.

4. Багаев А.Б. Военное дело осетин XV - XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова.– Владикавказ, 2009

5. Кануков И. Д. В Осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. – Орджоникидзе: Ир, 1985. 471 с

6. Хетагуров К.Л. Произведения. – Владикавказ: Ир, 2009. 624 с.

7. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. Т. 9. С. 55–105.

8. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1 – 2. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886.756 с.

9. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27–70

10. Каргиев Б.М. Старинные обычаи и нравы осетин. Архив СОИГСИ. Фонд 4. Этнография. Оп.1Д.109.л. 206

11. Багаев А.Б. Силовые игры в мужской субкультуре традиционного осетинского общества // Известия СОИГСИ. 2021. № 42 (81). С. 13–20.

12. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Вып. 2. Адаты осетин, чеченцев и кумыков. – Одесса: Изд-во Новороссийского Императорского университета, 1883. 404 с.

13. Берзенов Н. Очерки Осетии. https: // digoria.com/news/1310/

14. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. Т.1.- А – К. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 655 с.; Т.4. U–Z. – М.; Л.: Наука, 1989. 325 с.

15. Вахушти Б.География Грузии // Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. 24. Вып. 5. –Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1904. 294 с.

16. Ванеев З. Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. – Тбилиси: Издательство Академии Наук Грузинской ССР, 1955 г. 104 с.

17. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т.1-7, 9 изд. Под ред. Н. Зейдлица. – Тифлис, 1871–1885. Т.1. 1871. 342 с. С. 177–221

18. «Почему СтырНыхас потерял авторитет в осетинском обществе?» https://www.youtube.com/watch?v=ligMkBHvpWo «Жесткий разговор молодежи с руководством СтырНыхаса!» https://www.youtube.com/watch?v=N1YczDpTNiI

19. Мухина В.С. Из прошлого в настоящее и будущее: родовые традиции праоснова самосознания народов мира // Развитие личности. 2011. № 3. С. 155–77

REFERENCE

1. KhadikovaA.Kh. On ethnographic study of the moral concept of "honor" (on the Ossetian materials) // Izvestiya SOIGSI. 2016. No. 19 (58). pp. 17–26.
2. OssetianNart legends. – M.: Vladikavkaz: Manager, 2010. 504
3. Dirr A.M. Deities of hunting and the hunting language among the Caucasians // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Issue 44. Tiflis, 1915. pp. 1–16.
4. Bagaev A.B. Military affairs of the Ossetians of the XV - XIX centuries. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / North Ossetian State University named after K.L.Khetagurov.- Vladikavkaz, 2009
5. Kanukov I. D. In the Ossetian village. Short stories, essays, journalism. Ordzhonikidze: Ir, 1985. 471 p
6. Khetagurov K.L. Works. – Vladikavkaz: Ir, 2009. 624 p.
7. Miller V.F. In the mountains of Ossetia // Russian thought. 1881. Vol. 9. pp. 55–105.
8. Kovalevsky M. M. Modern custom and ancient law. The customary law of Ossetians in historical and comparative coverage. Vol.1-2. – M.: Tip. V. Gatsuk, 1886. – 756 p.
9. Shteder L. L. Diary of a journey from the Mozdok border fortress to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781 // Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1967. pp. 27–70.
10. Kargiev B.M. Ancient customs and customs of Ossetians. The SOIGSI archive. Foundation 4. Ethnography. Op.1D.109.l. 206.
11. Bagaev A.B. Power games in the male subculture of traditional Ossetian society // Izvestiya SOIGSI. 2021. No. 42 (81). pp. 13–20.
12. Leontovich F. I. Adats of the Caucasian highlanders. Materials on the customary law of the North and East Caucasus. Issue 2. Adats of Ossetians, Chechens and Kumyks. – Odessa: Publishing House of the Novorossiysk Imperial University, 1883. 404 p.
13. Berzenov N. Essays on Ossetia. https://digoria.com/news/1310/
14. Abaev V. I. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 volumes. Vol.1.- A – K. – M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 655 p.; Vol.4. U–Z. – M.; L.: Nauka, 1989. 325 p.
15. Vakhushti B. Geography of Georgia // Notes of the Caucasian department of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 24. Issue 5. – Tiflis: Printing house of K.P. Kozlovsky, 1904. 294 p.
16. Vaneev Z. N. From the history of tribal life in South Ossetia. – Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1955.104 p.
17. Pfaf V.B. People's law of Ossetians // Collection of information about the Caucasus. Tiflis, 1871. Vol. 1-7, 9th ed. Edited by N. Seydlitz. – Tiflis, 1871-1885. Vol.1. - 1871. 342 p. pp. 177–221
18. "Why has Styr Nykhas lost his authority in Ossetian society?" https://www.youtube.com/watch?v=ligMkBHvpWo "A tough conversation between the youth and the leadership of Styr Nyhas!" https://www.youtube.com/watch?v=N1YczDpTNiI
19. Mukhina V.S. From the past to the present and the future: ancestral traditions of the primordial self-consciousness of the peoples of the world // Personal development. 2011. No. 3. pp. 155–177.